

И.К. Богомолов

**СБОР СВЕДЕНИЙ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
АВСТРО-ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(на материалах Московской губернии)**

Аннотация. В статье рассмотрена практика сбора сведений среди раненых и беженцев Московской губернии о преступлениях австрийской и германской армий в годы Первой мировой войны. Задача сбора этих сведений была возложена на Чрезвычайную следственную комиссию для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками (ЧСК). Сбором показаний и свидетельств занимались не только члены Комиссии, но и сестры милосердия, губернские канцелярии, полиция. Выявлена последовательность, исполнители, а также основные проблемы при опросах беженцев и чинов армии, проходивших лечение в лазаретах Московской губернии.

Автор приходит к выводу, что не все полученные свидетельства могли служить доказательством беспощадности и жестокости врага, а зачастую показывали сложные, неоднозначные отношения между пленными и беженцами, с одной стороны, и австро-германскими войсками – с другой. Не всегда пленные русские солдаты и офицеры подвергались издевательствам, нередко примеры соучастия, сострадания со стороны представителей вражеских армий и местного населения. Это расходилось с реальными задачами ЧСК по пропаганде сведений о преступлениях армий Германии и ее союзников в России и за рубежом. В результате многие свидетельства так и не были оглашены, оставшись в архивах ЧСК, полиции и губернских канцелярий.

В качестве примера приведен найденный в делах канцелярии московского губернатора текст кратких воспоминаний подпрапорщика И.А. Назарова о его пребывании в германском плену.

Ключевые слова: Первая мировая война; военные преступления; зверства; русская армия; германская армия; австрийская армия; беженцы; плен; пропаганда; Чрезвычайная следственная комиссия.

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: boga_igor@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAI-8746-2020

Bogomolov I.K. Collection of Information on War Crimes of the Austro-German Troops During the First World War (Based on Materials from the Moscow Province)

Abstract. Discussing the practice of collecting information among the wounded and refugees of the Moscow province about the crimes of the Austrian and German armies during World War I, the author describes the procedures, collectors and the main problems in interviewing refugees and army officials who were treated in the hospitals of the Moscow province. The primary responsibility for collecting such data was assigned to the Extraordinary Investigative Commission (EIC) whose task was to investigate the violations of laws and customs of war on the part of the Austro-Hungarian and German troops. Practically, the information and testimonies were collected not only by members of the Commission but also by army nurses, provincial authorities and the police. As a conclusion, the text states that not all data obtained could serve as evidence of the ruthlessness and cruelty of the enemy, as the relationship between prisoners and refugees on the one hand, and Austro-German troops on the other were often complex and ambiguous. Not always the Russian prisoners of war were subjected to abuse; it was not uncommon that the army officials of the enemy as well as the local people treated them with sympathy and compassion. Such facts ran counter to the Commission's tasks and therefore were not made public, being buried in the archives of the Commission, local authorities and the police.

As an example, given is the text of brief memoirs of ensign I.A. Nazarov about his captivity in Germany, found in the papers of the office of the Moscow governor.

Keywords: World War I; war crimes; atrocities; Russian army; German army; Austrian army; refugees; captivity; propaganda; Extraordinary Commission of Inquiry.

**Bogomolov Igor Konstantinovich – Candidate of Historical Sciences,
Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia,
Moscow. E-mail: boga_igor@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAI-8746-2020**

С начала Первой мировой войны в центре внимания российского общества была тема жестокого обращения с русскими военнопленными и гражданскими лицами в Германии. Периодическая печать публиковала большое количество свидетельств и воспоминаний бывших пленных о жестоком обращении с ними немецких войск и населения. Уже осенью 1914 г. огромный массив сообщений прессы о «немецких зверствах» стал компилироваться в отдельные книжки, некоторые из них выдержали даже второе переиздание [Резанов 1914; Резанов 1915]. Тема «немецких зверств» серьезно повлияла на общественные настроения в России, а затем и на внутреннюю политику Российского государства в отношении вражеских подданных и «русских немцев». Для военной пропаганды тему «германского варварства» русское правительство поначалу использовало не слишком активно. Этого

и не требовалось, учитывая общий эмоциональный подъем общества в связи с началом войны. Всю пропагандистскую «работу» за правительство делала печать, которая живо реагировала на общественные запросы и сообщениям которой общество поначалу вполне доверяло.

К началу 1915 г. ситуация начала меняться. Общественный подъем постепенно затухал, война становилась тяжелой повседневностью. Популярное летом 1914 г. призывы к «защите славянства от германизма» [За что воюет Россия 1914] не оказывали на солдатскую массу серьезного влияния. Для большинства солдат – бывших крестьян, значительная часть которых была неграмотной, – война представлялась непреодолимым «роком», ударом судьбы, с которым оставалось только смириться [Поршнева 2000, с. 104]. В образованных слоях общества росло критическое отношение к газетным публикациям о «немецких зверствах»: все чаще эти материалы воспринимались как попытка привлечь читателя, а нередко – и как часть конкурентной борьбы, сведение экономических, политических и личных счетов [Лор 2010, с. 77]. Появился общественный запрос на достоверную информацию о войне, в том числе и о преступлениях противника. Личный фронтовой опыт, передававшийся письменно и устно в тыл, все больше вытеснял из информационного поля газетные сообщения о немецкой и австрийской армиях, о положении во вражеском тылу и о вражеском плене [Асташов 2014 б, с. 132]. Иными словами, для обвинений врага уже нельзя было обойтись газетными заголовками, требовались прямые доказательства военных преступлений Германии и Австро-Венгрии.

На этом фоне в правительстве и Ставке Верховного главнокомандующего осознали необходимость пойти по стопам союзников по Антанте и создать собственную комиссию, которая бы фиксировала преступления вражеских армий на фронте и на оккупированных ими территориях. В результате 9 апреля 1915 г. была создана «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками» (ЧСК). Для начала собственно «расследований» ЧСК должна была собрать доказательную базу. Информацию предоставляли прежде всего солдаты и офицеры, а также сестры милосердия, пострадавшие или бывшие свидетелями военных преступлений.

В историографии на деятельность ЧСК до сих пор обращалось мало внимания. Только в последние годы вышли исследования с общей характеристикой целей и задач ЧСК в годы войны, результатов ее деятельности [Асташов 2014 а]. Практически не освещен процесс сбора сведений «на местах»: в крупных и провинциальных городах, лазаретах, всевозможных общественных организациях. В данной статье этот пробел частично восполняется при помощи новых документов, обнаруженных в архиве канцелярии московского губернатора.

ЧСК изначально стремилась максимально упорядочить процесс сбора информации и подключить к этому как можно больше местных органов власти. Эти меры стали еще более актуальными со второй половины 1915 г. Великое отступление русской армии повлекло за собой огромную волну беженцев, вынужденных оставить свои дома. Основной поток беженцев шел через крупные города – Киев, Минск, Вильно, Рига, Москва. Часть отправлялась дальше, в провинцию, но большинство старались задержаться в городах, где было больше возможностей получить помощь и найти приют [Алферова 2017, с. 19]. В сотрудничестве с местными властями ЧСК пыталась собрать максимальную информацию обо всех бедах, которые беженцы претерпели от действий германо-австрийских войск. Информаторами были также раненые, находившиеся в лазаретах.

Для централизации сбора «точных и проверенных данных» ЧСК подключила чиновников на местах. Губернаторы, начальники областей и градоначальники должны были организовать «в безотлагательном производстве через подведомственных чинов полиции» опросы раненых и беженцев [О сборе сведений, л. 1]. Для проведения опроса были подготовлены специальные опросные листы. Губернаторы и градоначальники возлагали задачу по опросам на уездные земские управы и уездных исправников [О сборе сведений, л. 3, 4]. Те, в свою очередь, запрашивали информацию о свидетелях военных преступлений различные общества помощи беженцам и раненым. Так, опросные листы были направлены в Польский комитет в Москве по оказанию помощи жертвам войны, а также в местные отделения Союза помощи больным и раненым воинам [О сборе сведений, л. 4 об.]. После опроса общества возвращали листы обратно в канцелярию для дальнейшей отправки в ЧСК [О сборе сведений, л. 8].

В архиве канцелярии московского губернатора найдены два вида опросных листов: для опроса беженцев и воинских чинов. Опросный лист беженца состоял из 20 вопросов, большая часть которых (помимо информации о самом беженце) представляет собой список преступлений, которым беженец, возможно, был свидетелем или стал их жертвой. Среди пунктов – применение врагом разрывных пуль и удушливых газов, злоупотребление белым флагом, ограбление и добивание раненых, обстрел санитарных пунктов, выставление мирных жителей в качестве прикрытия, насильственный призыв и привлечение на работы, изнасилования, ограбления, надругательство и уничтожение храмов и святынь [О сборе сведений, л. 9, 9 об.]. Опросный лист для воинских чинов был меньше – 12 вопросов, они в основном касались преступлений непосредственно на фронте [О сборе сведений, л. 6].

Ответы очевидцев вражеских преступлений записывали либо сами очевидцы, либо (если очевидцы, к примеру, были неграмотными) полицейские. Так, к примеру, отвечала на вопросы Стефания Петровна Насторович, беженка

из г. Сувалки. При опросе она утверждала, что видела четверых умерших от газа, «видела, как двух казаков раненых привязали к повозке, тащили до десяти верст и наконец расстреляли», видела обстрелы санитарных поездов, расстрел мирного жителя, два изнасилования, угон на работу в Германию, ограбления магазинов [О сборе сведений, л. 10, 10 об.].

Хотя опросные листы были составлены достаточно подробно, на практике полицейские при опросе могли опустить подробности, которые им показались лишними. Глава ЧСК, сенатор А.Н. Кривцов в письме губернаторам посетовал, что «в некоторых случаях полицейские чины, составляя <...> протоколы, излагают в них показания потерпевших и свидетелей без указания – где именно, когда и при каких обстоятельствах имело место то или иное <...> нарушение неприятелем законов и обычаев войны» [О сборе сведений, л. 26]. Зачастую у полицейских не было напечатанных опросных листов в достаточном количестве, из-за чего показания той же С.П. Насторович записывались на отдельном листе бумаги.

В отдельных случаях свидетели и жертвы немецко-австрийских преступлений записывали показания в виде подробных рассказов. В деле московской губернской канцелярии по вопросам ЧСК найден такой пример – письмо подпрапорщика 7-го Туркестанского стрелкового полка Ивана Андреевича Назарова, в августе 1914 г. попавшего в плен в Восточной Пруссии, потерявшего ногу и в августе 1915 г. отпущенного немцами в Россию. Вероятно, Назарова – грамотного крестьянина, учившегося на писаря – попросили подробно описать свое пребывание в германском плену.

Нужно отметить, что в этот период были особенно востребованы свидетельства о невыносимых условиях австрийского и немецкого плена. В русской армии нарастала усталость от войны, росло количество добровольных переходов к противнику. Все большему числу русских солдат вражеский плен казался лучшей долей по сравнению с бытовыми условиями в русских окопах [Асташов 2014 b, с. 452–457]. Понимая опасные последствия таких настроений, Ставка и правительство стремились демонизировать образ вражеского плена в массовом сознании армии. В печати запрещалось публиковать письма и воспоминания бывших пленных «ввиду возможного соблазнительного воздействия на других» [Инструкции, л. 7]. В пропагандистских целях необходимо было всемерно распространять свидетельства о тяжелом положении русских солдат и офицеров в Германии и Австро-Венгрии. Роль ЧСК в этом деле была велика, так как комиссия могла предоставить свидетельства «из первых уст», документированные показания за подписью конкретных людей. Эти материалы были нужны для массового распространения через периодическую печать, брошюры и книги. Но первичный опрос нижних чинов вовсе не гарантировал «нужные» показания. Бывшие пленные

далеко не всегда свидетельствовали о плене как о беспросветном ужасе [Нагорная 2010, с. 303].

Воспоминания подпрапорщика И.А. Назарова были как раз таким примером «усредненной», умеренной оценки германского плена. В начале своего рассказа он явно удивляется отношению немцев к себе. Вопреки ожиданиям Назарова, нашедшие его немецкие солдат и санитар не добились его, не стянули сапоги и не оставили умирать на поле боя. На перевязочном пункте Назаров, явно под впечатлением ранее услышанного или прочитанного о «немецких зверствах», ждал, что над ним будут издеваться и выколуют глаза. Однако и этого не произошло: раненую ногу постоянно перевязывали, за ранеными русскими присматривали. Потерю ноги Назаров также не считал жестокостью немцев по отношению к себе, скорее – некомпетентностью первого врача. Сильный голод был главной претензией Назарова к немцам, однако из рассказа не выходит, что раненых и пленных морили голодом специально. В целом рассказ Назарова мог произвести на других солдат неоднозначное впечатление: одни могли увидеть и положительные детали (например, угощение табаком), другие, из числа переживших плен, могли поспорить насчет отношения персонала, солдат и офицеров противника.

Воспоминания подпрапорщика И.А. Назарова [О сборе сведений, л. 28, 28 об., 29, 29 об.] – пример сложной, неоднозначной судьбы «маленького человека на большой войне». Переживший плен, голод и лишения, оставшийся без ноги, воронежский крестьянин Иван Назаров борется с тяжелыми обстоятельствами и ищет любые возможности прокормить свою большую семью. Судьба занесла его на курсы волостных писарей, вероятно в Москве или в Московской губернии, где Назарова и попросили поделиться впечатлениями от германского плена. В его письме отразились не только повседневность во вражеском плену, но и социально-экономические условия жизни в России периода Первой мировой войны. Ниже впервые приводится полный текст воспоминаний И.А. Назарова.

Подпрапорщика 7-го Туркестанского
стрелкового полка, из крестьян
Воронежской губернии, Бобровского
уезда Александровской волости, села Самовца
Ивана Андреевича Назарова,
состоящего на курсах волостных писарей.

Состоя на строевой сверхсрочной службе фельдфебелем 7-го Туркестанского стрелкового полка с 5 декабря 1909 года, я при объявлении Германией войны России был отправлен вместе с полком на театр военных действий и в сражении 29 октября 1914 года на Восточно-Прусском фронте под Сольдау

был ранен в левую ногу шрапнелью, после чего как неподбранный своими отступающими войсками попал в плен в Германию. Наши солдаты перебежали вправо в лес, а я остался в окопе. Лежать пришлось часа три, не имея возможности перевязывать себе рану, которой (так в тексте. – *И. Б.*) у левой голени были перебиты обе кости. К вечеру огонь стал стихать, смотрю, подбегает немец, спрашивает: «русь, русь, капут?». Я, не понимая немецкого языка, говорю «капут», указывая на ногу. Он позвал другого, санитар. Я и думаю: «потянут они с меня сапог, и мне смерть». Но нет, санитар достал нож и быстро разрезал мне сапог, бросил сапог в сторону, развернул портянки и они стали вдвоем перевязывать мне рану. Перевязали и стали пробовать, гнется нога или нет. Я вскрикнул, и они чего-то поговорили, нашли палочку, которую и привязали мне к ноге. Нога не стала гнуться, и я сразу почувствовал облегчение. Затем они стали меня обыскивать. Взяли у меня призовые часы с двумя серебряными цепками, один (немец. – *И. Б.*) взял себе часы и цепку, другому дал цепку. Денег у меня не было, и поэтому не знаю, взяли бы они их или нет.

Потом положили меня на палатку и понесли к себе в закрытие, где их (немцев. – *И. Б.*) было две роты. Тут обступили меня их солдаты и подошел офицер, который спрашивает: «Офицер?». Я сказал: «Нет, фельдфебель», он это сказал солдатам, и они стали называть меня фельдфебель. Офицер этот курил сигару, а мне страшно хотелось курить. Я попросил у него курить, он достал сигару, обрезал ей кончик, зажег и подал мне, потом позвал солдата, и тот налил мне кофия кружку и дал хлеба с маслом. Я стал есть. Они собрали всех нас, раненых и убитых, своих и наших, и понесли всех нас под лес, где была вырыта большая яма. В эту яму сбросили двенадцать человек убитых немцев, потом семь человек наших, и уже стал думать, что сбросят и нас. Нет, офицер послал куда-то солдата и велел яму закапывать. Потом прибегает посланный солдат и приносит маленький крестик, и этот крестик поставили на эту общую могилу. Потом офицер указал, куда нас нести, а сам пошел к роте. Стало темно, и солдаты понесли нас на перевязочный пункт. Тут я стал ожидать, что вот, мол, время пришло глаза-то нам выкалывать, но нет. Нести нас им пришлось не менее трех верст, но нисколько над нами не издевались. На перевязочном пункте нам снова перевязали раны, накормили и обращались очень хорошо. Одним словом, подбор раненых, производившийся на моих глазах, очень хороший.

На следующий день нас отправили в лазарет в город Марвенверд. На поезде было уже плохо ехать, так как вагоны очень тесные, и нас покладили не на лавки, а прямо на пол. В лазарете нас встретили сестры милосердия, обмыли нас как бы усердно, но в воде несменной, может быть человек трех в одной ванне, так как вода была наполовину с кровью. Мне сразу казалось, что рана моя не так опасна, и я думал, что месяца через два я уже буду ходить

на своей ноге. Но они (сестры милосердия. – *И. Б.*) ежедневно стали носить меня в перевязочную и ежедневно разламывали ногу. Я стал просить, нельзя ли делать перевязку на койке, но они мне сказали, что для всех ходить к койке, да и перевязывать на койке неудобно. И недели две мне лечили ногу, а потом наложили на нее гипс. И через два дня нога заплыла, и гипс заплыл, и она (нога. – *И. Б.*) почернела. Я просил перегипсовать, но мне сказали, что трогать ее нельзя. Потом гипс разрезали, и мне стало свободнее, но нога моя стала опять ломаться, и гипс закладывать не стали. Рана моя все больше и больше стала разрастаться. Потом сестра мне сказала, что вылечить мою ногу невозможно и ее придется отнять. Я попросил ее, нельзя ли какие-нибудь меры, чтобы ее залечить. Она об этом сказала доктору, и доктор стал рассматривать ногу, раскопал ее щипцами, затем ее завернули и четыре дня не делали перевязки. Боль была невыносимая, и я сам стал просить скорее бы отрезать. И таким образом в неделю нам отрезали пяти человекам. С нами вместе лежал подпоручик 2-го Туркестанского стрелкового полка Кожевников, который высказал им (немцам. – *И. Б.*), что это не лечение, а зверство – так ампутировать, не приняв мер к залечиванию. За это его через два дня от нас отправили не знаем куда, но доктора они тоже сменили, и этот доктор уже старался не ампутировать, а почти всех залечивал.

Жилось в Марвенверде нам не совсем плохо, хотя и голодно. Курить нам разрешалось, и иногда из вольных приносили папирос нам в подарки, и сестры нам давали по две или по пять папирос. Через два месяца нас, с ампутированными ногами, отправили в город Данциг для придельвания искусственных ног. И вот в Данциге-то началось наше настоящее страдание. Нас отправили с утра, есть ничего не дали, мы приехали в Данциг часов в 11, там тоже разместили нас в лазарете, Вильгельма театр, но есть ничего не давали. На следующий день, как прибывшим, дали хлеба по половинной порции, но порция эта и вся-то составляла 150 грамм, или 31,5 золотник. К тому же пища очень редкая, и ее мало, и всего же мучительнее, когда пищу варили из брюквы, а на ужин давали какую-то балтулину. Иногда этот ужин заменяли кружкой чая, но без сахара и хлеба. Курить нам разрешалось 2,5 часа в сутки, т.е. с 2:30 до 4:30 дня. Если же в остальное время суток кто закурит и его увидят, то били за это или на два часа привязывали к столбу. От всего этого переворота многие на короткое время теряли рассудок¹. Один такой, я помню, фамилия Бойков, потерял рассудок, и немцы над ним смеялись. Он, не вставая с койки, оправился. Тогда фельдфебель подходит и спрашивает, почему он это сделал. Начал ругать его «русь, швайн» и принялся бить его и бил, не считаясь с тем, что он без памяти.

1. Здесь имеется в виду – сходили с ума.

Наших раненых, которые выздоравливали, посылали работать. Эти рабочие крали картофельную шкурку и ели ее сырой. Это действие, позорящее Германию, так как она довела нас до такого голода. На целые сутки нам закрывали двери, чтобы никто не мог выходить, и в такие дни нам не давали ни обедать, ни ужинать. Голод до таких доходил пределов, что думалось: это и есть ад, из которого выбраться никакими судьбами нельзя. По реке Висле в Данциг ходили пароходы и с пароходов немцы один раз выбросили какой-то хлеб. Этот хлеб подбило к берегу, куда стекала вся вода из умывальников и уборных. Наши рабочие выловили этот хлеб, промыли его, высушили на солнце и стали есть. Но через два дня их стала схватывать холера, и от нее дня за три человек десять померли, и несмотря на это все-таки многие продолжали есть [этот] хлеб. Вдруг списывают нас, увечных, я говорю: «нахауз», т.е. домой, и собрались нас отправлять. Шведский приемник спросил, почему они (немцы. – *И. Б.*) отправляют нас такими грязными, оборванными? Они отвечали: «русь, швайн», т.е. как русского ни убирай, они всегда такие грязные. Перед отправлением нас уже накормили досыта, но один тут же помер – объелся.

В Швеции нас уже кормили хорошо, а лучше всего – в России, где мы пообедали, и от нас понесли остатки хлеба, чего мы десять месяцев не видели. По возвращении я помещен был в Петроградский клинический лазарет, а оттуда 25 августа [1915 г.] комиссией был освидетельствован и признан неспособным к службе и к физическому труду и уволен вовсе от службы. Прибыв на родину, я подал прошение Бобровскому воинскому начальнику и при прошении приложил увольнительный билет, который воинский начальник не возвратил мне и до сего времени. Мои родные встретили меня с радостью, но никто из них не подал мне, как пострадавшему, никакой помощи. И вот в такое-то время для нас, несчастных, открылись курсы. Я поступил на эти курсы, бросив дома жену и четырех малолетних детей, желая приобрести себе хоть что-нибудь для существования. Я перешел уже в третий класс. Вдруг говорят, что наши курсы как бы не были распушены! Что я мог думать о себе в такое время? Но, слава Богу, нашлись добрые люди, которые, может быть, дадут нам довести дело до конца.

Отставной подпрапорщик
И.А. Назаров

Библиография

Алферова И.В. Дорога на Восток (проблема беженцев как один из факторов повседневности в годы Первой мировой войны) // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2017. № 3. С. 16–24.

Асташов А.Б. Зверства войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2014 а. С. 65–73.

Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый Хронограф, 2014 б. 740 с.

За что воюет Россия. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. 16 с.

Инструкции военным цензорам, положение, штаты, приказы Московской военно-цензурной комиссии // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против вражеских подданных в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

О сборе сведений о случаях нарушения неприятельскими войсками законов и обычаев войны // Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 17. Оп. 93. Д. 32. 30 л.

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг. Дисс. на... доктора исторических наук. Екатеринбург, 2000. 359 с.

Резанов А.С. Немецкие зверства: книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам. Пг.: М.А. Суворин, 1914. 220 с.

Резанов А.С. Немецкие зверства: книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам. Пг.: М.А. Суворин, 1915. 438 с.

References

Alferova I.V. Doroga na Vostok (problema bezhencev kak odin iz faktorov povsednevnosti v gody` Pervoj mirovoj vojny`). Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The road to the East (refugee problem as one of the factors of everyday life during the First World War). Bulletin of the Bryansk State University]. Bryansk, 2017. No. 3. P. 16–24.

Astashov A.B. Zverstva vojsk antirussoj koalicii v 1914–1918 gg.: voenny`j opy`t i propaganda. Pervaya mirovaya vojna, Versal`skaya sistema i sovremennost`: sb. statej [The atrocities of the troops of the anti-Russian coalition in 1914–1918: military experience and propaganda. World War I, the Versailles system and modernity: collection of books. articles]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University, 2014 a. P. 65–73.

Astashov A.B. Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voenny`j opy`t i sovremennost [The Russian front in 1914 – early 1917: military experience and modernity]. Moscow: New Chronograph, 2014 b. 740 p.

Instrukcii voenny`m cenzoram, polozhenie, shtaty`, prikazy` Moskovskoj voenno-cenzurnoj komissii. Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv (RGVIA) [Instructions to military censors, regulations, states, orders of the Moscow Military Censorship Commission. Russian State Military Historical Archive (RGVIA)]. F. 13839. Op. 1. D. 5. L. 7.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Lore E. Russkij nacionalizm i Rossijskaya imperiya: Kampaniya protiv vrazheskix poddannny'x v gody' Pervoj mirovoj vojny [Russian nationalism and the Russian Empire: Campaign against enemy subjects during the First World War]. Moscow: New Literary Review, 2012. 304 p.

Nagornaya O.S. «Drugoj voenny'j opy't»: rossijskie voennoplenny'e Pervoj mirovoj vojny' v Germanii (1914–1922 gg.) [«Another military experience»: Russian prisoners of war of the First World War in Germany (1914–1922)]. Moscow: New Chronograph, 2010. 440 p.

O sbore svedenij o sluchayah narusheniya nepriyatel'skimi vojskami zakonov i oby'chaev vojny. Central'ny'j gosudarstvenny'j arxiv g. Moskvy' (CzGA Moskvy') [On the collection of information about cases of violation by the enemy troops of the laws and customs of war. Central State Archive of Moscow (TsGA of Moscow)]. F. 17. Op. 93. D. 32. 30 l.

Porshneva O.S. Mentalitet i social'noe povedenie rabochix, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny', 1914–1918 gg. Diss. na... doktora istoricheskix nauk [The mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First World War, 1914–1918. Diss... doctors of historical sciences]. Yekaterinburg, 2000. 335 p.

Rezanov A.S. Nemeckie zverstva: kniga sostavlena po rasskazam poterpevshix i ochevidcev, a takzhe po oficial'ny'm dokumentam [German atrocities: the book is based on the stories of victims and eyewitnesses, as well as official documents]. Petrograd: M.A. Suvorin, 1914. 220 p.

Rezanov A.S. Nemeckie zverstva: kniga sostavlena po rasskazam poterpevshix i ochevidcev, a takzhe po oficial'ny'm dokumentam [German atrocities: the book is based on the stories of victims and eyewitnesses, as well as official documents]. Petrograd: M.A. Suvorin, 1915. 438 p.

Za chto voyuet Rossiya [What Russia is fighting for]. Moscow: Type. I.D. Sytin, 1914. 16 p.